

А.В. Барков

кандидат юридических наук, профессор кафедры уголовного права юридического факультета Белорусского государственного университета.

ПОНЯТИЕ ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Проблема трактовки в судебной практике признаков должностного лица, определенных в отечественном уголовном законодательстве, существовала всегда и, к сожалению, продолжает оставаться достаточно острой. Если выделить наиболее типичную ошибку в правоприменении, то это – расширительное понимание должностного лица. Этот «грех» следственной и судебной практики неоднократно отмечался еще советскими учеными. На это, в частности, обращалось внимание и в преамбуле постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 4 июня 1993 г. № 4 «О судебной практике по делам о злоупотреблении властью или служебными полномочиями, превышении власти или служебных полномочий, служебной халатности и должностном подлоге».

Причины названной ошибки многочисленны. Это, во-первых, множественность трактовок понятия должностного лица в различных отраслях отечественного права (конституционного, административного, трудового, уголовного); во-вторых, это попытки восполнить пробелы в уголовном законе за счет расширительного толкования признаков должностного лица; в-третьих, влияние прежних толкований и установок, которые в силу естественной консервативности правоприменительной практики дают о себе знать спустя многие годы. Так, 30 июня 1970 г. Пленум Верховного Суда СССР принял постановление № 6 о дополнении постановления от 31 июля 1962 г. № 9 «О судебной практике по делам о взяточничестве», указав в одном из пунктов следующее: «Субъектом преступления – получения взятки – надлежит считать и тех работников государственных, кооперативных и общественных учреждений, предприятий и организаций, которые в силу своего служебного положения и выполняемых ими служебных обязанностей могли принять меры к совершению другими должностными лицами действий, желательных для взяткодателей (референты, инспекторы, консультанты, инструкторы, товароведы и др.)». Таким образом, явно предлагалось применение аналогии для привлечения к уголовной ответственности лиц, не являющихся специальными субъектами преступления (должностными лицами).

Остановимся на некоторых предпосылках расширительной трактовки признаков должностного лица в современной следственной и судебной практике.

Основа законодательного определения должностного лица в нынешнем его понимании была заложена Законом Республики Беларусь от 15 июня

1993 г., внесшем изменения в примечание к ст. 166 УК 1960 г.: «Примечание. Под должностными лицами, предусмотренными статьями настоящего Кодекса, понимаются:

представители власти, то есть государственные служащие, имеющие право в пределах своей компетенции давать распоряжения и приказы и принимать решения относительно лиц, которые не подчинены им по службе;

представители общественности, то есть лица, не находящиеся на государственной службе, но наделенные в установленном порядке полномочиями представителей власти при исполнении обязанностей по охране общественного порядка, борьбе с правонарушениями, по отправлению правосудия;

лица, которые постоянно, или временно, или по специальному полномочию занимают в учреждениях, организациях либо на предприятиях (независимо от форм собственности) должности, связанные с исполнением организационно-распорядительных либо административно-хозяйственных обязанностей, или лица, уполномоченные в установленном порядке на совершение юридически значимых действий».

Очевидно, что определение признаков должностного лица в действующем УК является прямым развитием прежнего закона. В ч. 4 ст. 4 сказано: «Под должностными лицами понимаются:

1) представители власти, то есть депутаты Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь, члены Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, депутаты местных Советов депутатов, а равно государственные служащие, имеющие право в пределах своей компетенции отдавать распоряжения или приказы и принимать решения относительно лиц, не подчиненных им по службе;

2) представители общественности, то есть лица, не находящиеся на государственной службе, но наделенные в установленном порядке полномочиями представителя власти при выполнении обязанностей по охране общественного порядка, борьбе с правонарушениями, по отправлению правосудия;

3) лица, постоянно или временно либо по специальному полномочию занимающие в учреждениях, организациях или на предприятиях (независимо от форм собственности), в Вооруженных Силах Республики Беларусь, других войсках и воинских формированиях Республики Беларусь должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей, либо лица, уполномоченные в установленном порядке на совершение юридически значимых действий;

4) должностные лица иностранных государств, члены иностранных публичных собраний, должностные лица международных организаций, члены международных парламентских собраний, судьи и должностные лица международных судов».

Подходы, изначально сформулированные в действующем УК Беларуси, по нашему мнению, отвечают концепции борьбы с коррупцией,

закрепленной в Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию (заключена в г. Страсбурге 27 января 1999 г.).

По замыслу разработчиков проекта УК, с введением его в действие, судебная практика не должна была испытывать затруднения при установлении признаков должностного лица, поскольку сложившиеся представления не были нарушены.

Критерии определения должностного лица, сформулированные в ч. 4 ст. 4, универсальны и относятся ко всем нормам УК, характеризующим должностное лицо в качестве специального субъекта преступления или потерпевшего. Можно выделить шесть категорий должностных лиц:

- представитель власти;
- представитель общественности;
- лицо, выполняющее организационно-распорядительные обязанности;
- лицо, выполняющее административно-хозяйственные обязанности;
- лицо, уполномоченное на совершение юридически значимых действий;
- должностное лицо иностранного государства или международной организации.

Следует обратить внимание на то, что при выделении первых пяти категорий должностных лиц, в качестве юридически значимых классифицирующих признаков избраны особенности властных, управленческих полномочий. Это очень важно, поскольку преступления против интересов службы, а точнее, та их часть, которую традиционно именуют «должностные преступления», имеют место не просто в связи с тем, что лицо занимает некую должность, а в связи с реализацией этим лицом своих должностных полномочий. Парламентарии, рассматривая в мае 1999 г. проект УК во втором чтении, справедливо отвергли предложение отнести к кругу должностных лиц всех «служащих государственного аппарата», игнорируя характер выполняемых обязанностей и функций. Поэтому при квалификации деяний должностных лиц следует не просто констатировать, что лицо занимает определенную должность, а указывать то, что деяние совершено лицом при осуществлении или в связи с осуществлением им тех полномочий, которые и придают ему статус должностного лица.

Нельзя признавать должностными лицами тех, кто выступает в качестве подставного лица и лишь инсценирует управленческую деятельность.

Суд Партизанского района г. Минска осудил П. по ч.1 ст. 428 УК, признав его виновным в том, что он, будучи директором торгового частного унитарного предприятия, устранился от исполнения своих обязанностей, допустил бесконтрольное осуществление иными лицами предпринимательской деятельности от имени ТЧУП, что повлекло причинение ущерба в особо крупном размере и существенного вреда государственным интересам, выразившегося в неуплате налогов и неналоговых платежей. Обвиняемый в ходе судебного разбирательства показал, что по предложению знакомого в 2000 г. согласился стать директором ТЧУП за вознаграждение в размере 100 долларов США. Об

осуществляемой ТЧУП предпринимательской деятельности ему ничего неизвестно, так как он никаких договоров не подписывал. О том, каким образом происходило движение денежных средств на расчетном счету предприятия, открытом им как директором, он не знает. При схожих обстоятельствах судом Минского района и г. Заславля виновным в служебной халатности был признан гражданин Л.

В обоих примерах виновные прекрасно сознавали, что они «липовые руководители», что в действительности на них никто не возлагал обязанности должностных лиц. Их поведение служило прикрытием лжепредпринимательской деятельности, за что они и должны нести ответственность.

Представитель власти – это государственный служащий, имеющий право в пределах своей компетенции отдавать распоряжения или приказы и принимать решения относительно лиц, не подчиненных ему по службе. При установлении признаков представителя власти следует иметь в виду, что терминология, используемая в п. 1 ч. 4 ст. 4 УК, несколько устарела. Во время принятия УК в 1999 г. понятие «государственный служащий» было максимально широким и охватывало всех лиц, находящихся на государственной службе. Закон Республики Беларусь от 23 ноября 1993 г. № 2581-ХІІ (в ред. от 21 февраля 1995 г.) «Об основах службы в государственном аппарате» выделял более узкую категорию государственных служащих – служащие государственного аппарата.

Закон Республики Беларусь от 14 июня 2003 г. № 204-З (в ред. от 29 июня 2004 г.) «О государственной службе в Республике Беларусь» сузил понятие «государственный служащий». Так, согласно п. 3 ст. 7 названного Закона его действие не распространяется на военнослужащих, лиц начальствующего и рядового состава органов внутренних дел, органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям, органов финансовых расследований Комитета государственного контроля Республики Беларусь. Возникает вопрос, повлекли ли эти перемены сужение круга лиц, признаваемых представителями власти. Можно ли работника милиции по-прежнему признавать должностным лицом?

В названной ситуации следует руководствоваться историческим толкованием и исходить из замысла законодателя в момент принятия действующей нормы УК. На тот момент под государственными служащими понимались все лица, состоящие на государственной службе. Нет ни каких оснований для иного понимания нормы в настоящее время. Именно этим, на наш взгляд, справедливо руководствовался Пленум Верховного Суда республики, разъясняя признаки представителя власти в п. 3 постановления от 16 декабря 2004 г. № 12 «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст.ст. 424-428 УК)»: «Судам надлежит иметь в виду, что наряду с лицами, прямо указанными в п. 1 ч. 4 ст. 4 УК, представителями власти являются также *лица, состоящие на государственной службе* (выделено нами – А.Б.), которые в пределах возложенных на них полномочий на осуществление властных функций

вправе отдавать распоряжения или приказы либо принимать решения относительно не подчиненных им по службе лиц».

Очевидно, что назрела необходимость внесения изменений в редакцию п. 1 ч. 4 ст. 4 УК: слова «государственные служащие» следует заменить словами «лица, состоящие на государственной службе».

Обычно в следственной и судебной практике признаки представителя власти устанавливаются без затруднений. В вышеназванном постановлении от 16 декабря 2004 г. № 12 указывается, что «к представителям власти могут быть отнесены работники правоохранительных органов, работники органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям, судебные исполнители, военнослужащие пограничной службы (при непосредственном выполнении обязанностей по охране Государственной границы), военнослужащие внутренних войск (при непосредственном выполнении обязанностей по охране общественного порядка, конвоированию и охране исправительных учреждений), сотрудники государственных органов, осуществляющие контрольные и надзорные функции, и др.»

Среди перечисленных примеров, нам хотелось бы обратить внимание на спорные категории лиц, относимых к представителям власти:

военнослужащие пограничной службы (при непосредственном выполнении обязанностей по охране Государственной границы),

военнослужащие внутренних войск (при непосредственном выполнении обязанностей по охране общественного порядка, конвоированию и охране исправительных учреждений).

Очевидно, что специфическими признаками представителя власти являются: а) нахождение лица на службе у государства; б) наделение его властными полномочиями в отношении лиц, не находящихся в непосредственной служебной подчиненности. Под властными полномочиями следует понимать право представителя власти предписывать определенное поведение *на основе самостоятельно принимаемого им решения*. Поэтому нельзя говорить о представителе власти в ситуациях, когда лицо внешне обладает некой «властью» (охранник, вахтер и т.п.), но не принимает самостоятельных управленческих решений. Такие лица являются техническими исполнителями властных предписаний своего руководства и к должностным не относятся.

Мы обращаем внимание на этот факт постольку, поскольку далеко не всегда военнослужащие пограничной службы (при непосредственном выполнении обязанностей по охране Государственной границы) и военнослужащие внутренних войск (при непосредственном выполнении обязанностей по охране общественного порядка, конвоированию и охране исправительных учреждений) выступают как представители власти, как должностные лица. В каждом конкретном случае требуется анализ всех обстоятельств. На наш взгляд, нельзя, например, расценивать как поведение представителя власти, влекущее ответственность за служебную халатность, временное самовольное оставление поста часовым, охраняющим часть периметра исправительного учреждения, или оставление участка

Государственной границы пограничником, находящимся в наряде, если это повлекло последствия, для предупреждения которых был назначен караул или наряд. Дело не только в том, что названные деяния охватываются соответственно ст. 451 или 453 УК (нарушение правил несения караульной службы или нарушение правил несения пограничной службы), а еще и в том, что лицо выступает в качестве представителя власти лишь в строго определенных случаях: когда реализует свои властные полномочия самостоятельно разрешить возникшую ситуацию (задержать правонарушителя, составить протокол и т. п.).

Значительное число вопросов в судебной практике возникает при установлении наличия должностного лица по признаку совершения юридически значимых действий. Анализу нормы п. 3 ч.4 ст. 4 УК и практики ее применения уделил внимание Конституционный Суд Республики Беларусь, который рассмотрел в открытом судебном заседании дело «О соответствии Конституции положения пункта 3 части четвертой статьи 4 Уголовного кодекса Республики Беларусь и основанной на нем практики применения понятия должностного лица по признаку совершения юридически значимых действий». Оценка данного заключения Конституционного Суда уже давалась специалистами. Вместе с тем считает возможным еще раз вернуться к данному вопросу.

В заключении Конституционного Суда Республики Беларусь от 12 ноября 2001 г. № 3-129/2001 по этому делу констатируется:

«1. Признать соответствующим Конституции Республики Беларусь положение пункта 3 части четвертой статьи 4 Уголовного кодекса Республики Беларусь, согласно которому к должностным лицам отнесены лица, уполномоченные в установленном порядке на совершение юридически значимых действий.

2. Отметить противоречивость судебной практики по привлечению к уголовной ответственности преподавателей высших и средних специальных учебных заведений в связи с получением ими вознаграждения за положительные оценки знаний студентов или учащихся на курсовых экзаменах и зачетах, когда в одних случаях они привлекаются к уголовной ответственности за получение взятки, а в других аналогичных ситуациях такие лица не рассматриваются как субъекты данного преступления».

Обратимся к истории вопроса. До 15 июня 1993 г. в УК Беларуси (ранее БССР) по названному признаку категория должностного лица не выделялась. Однако следственная и судебная практика сталкивалась с проблемой оценки действий функциональных работников и специалистов в различных сферах деятельности, которые по своей основной профессиональной работе не осуществляли каких-либо управленческих функций, но в определенных случаях были официально обязаны, применяя свои профессиональные знания, принимать единоличные или коллегиальные решения, влекущие юридические последствия для широкого круга физических, юридических лиц, государственных органов.

Классический пример: действия врача. До 1960 г. в судебной практике и уголовно-правовой науке врачей безоговорочно относили к должностным лицам. Затем в соответствии с примечание к ст. 166 УК 1960 г. однозначность подхода была поставлена под сомнение. Стали различать исполнение профессиональных функций врачей и среднего медицинского персонала (фельдшера, медсестры) и управленческих функций тех из них, кто постоянно, или временно, или по специальному полномочию занимают в учреждениях, организациях либо на предприятиях должности, связанные с исполнением организационно-распорядительных либо административно-хозяйственных обязанностей (главный врач, заместитель главного врача по лечебной работе, заведующий отделением и т.п.). Однако остались неясными ситуации, когда медицинские работники не назначались на должности, а параллельно с профессиональной деятельностью (обследование пациентов, постановка диагноза, назначение лечения, оформление историй болезни, рецептов, направлений в больницу и т.п.) принимали решения, влекущие юридически значимые последствия. Типичный пример: оформление листка нетрудоспособности. Можно ли незаконную выдачу такого документа считать злоупотреблением служебными полномочиями, а принятие за это вознаграждения – получением взятки?

В действующем УК Российской Федерации этот вопрос однозначно не решен. Судебное и доктринальное толкования видят в подобных действиях врача некую разновидность выполнения организационно-распорядительных функций. Б.В.Волженкин отмечает, что «должностным лицом необходимо признавать субъекта, который имеет право выдавать от имени государственного или муниципального учреждения официальные документы, подтверждающие определенный юридический факт, и тем самым как-то организовывать, направлять поведение других лиц, для которых этот акт (документ) имеет юридическую силу».

В судебной практике РФ признавались субъектами должностных преступлений врачи муниципальных больниц, незаконно выдавшие листок нетрудоспособности. В названных случаях толкователи интуитивно приходят к выводу, что названные деяния не охватываются сугубо профессиональной деятельностью специалиста. Однако трудно согласиться с утверждением, что это выполнение именно организационных или распорядительных функций. Данная ситуация требует особой законодательной характеристики, что и сделано в УК Беларуси, выделившем должностное лицо по признаку лица, уполномоченного в установленном порядке на совершение юридически значимых действий.

Каков был замысел разработчиков проекта УК Беларуси и как они предлагали трактовать данную категорию должностных лиц? В п. 3 ч. 4 ст. 4 проекта УК, представленного для второго чтения в Парламент Беларуси, было написано: «...лицо, уполномоченное в установленном порядке на совершение юридически значимых действий, влекущих последствия публично-правового характера». Предполагалось, что в основе выделения новой категории должностного лица будут два критерия: 1) совершенные

лицом действия являются юридическим фактом; 2) они влекут юридические последствия публично-правового характера.

На первый критерий должно указывать то обстоятельство, что вследствие совершения определенного действия: возникают либо изменяются, либо прекращаются определенные правоотношения.

Второй критерий проявляется в том, что совершенные действия – это не любые юридические факты, а лишь те, в которых содержится элемент управленческой деятельности. Заключение любой частноправовой сделки (договора хранения, купли-продажи, перевозки и т.п.), безусловно, влечет возникновение определенных правоотношений, но они не затрагивают сферу управленческой деятельности, сферу администрирования.

Второй критерий предполагалось включить в новый УК, поскольку его отсутствие в УК 1960 г. в редакции от 15 июня 1993 г. поначалу привело к расширительной трактовке анализируемой категории должностного лица. На что обращали внимание критики такого подхода. К сожалению, при принятии УК во втором чтении из первоначальной редакции п. 3 ч. 4 ст. 4 проекта УК были исключены слова «влекущих последствия публично-правового характера». Очевидно, что, не смотря на отсутствие этих слов в действующем УК, толковать закон следует ограничительно.

Проиллюстрируем механизм совершения юридически значимых действий, придающих лицу статус должностного.

В настоящее время в соответствии с п. 7 Инструкции о порядке выдачи листков нетрудоспособности и справок о временной нетрудоспособности, утвержденной постановлением Минздрава, Минтруда и соцзащиты от 9 июля 2002 г. № 52/97 (в ред. от 16 декабря 2005г.) листки нетрудоспособности выдаются лечащим врачом после личного осмотра больного, а в установленных Инструкцией случаях – врачебно-консультационной комиссией. Заведующие отделениями и заместители главного врача организации здравоохранения могут выдавать листки нетрудоспособности только в случаях, когда они исполняют обязанности лечащего врача. В организации здравоохранения, где нет врача (сельские участковые больницы, врачебные амбулатории), на фельдшерско-акушерских пунктах право выдачи листков нетрудоспособности может быть предоставлено одному из фельдшеров (акушерке).

Итак, лечащий врач (фельдшер, акушерка), выполняя свои профессиональные (не должностные) обязанности, уполномочены вышеназванной Инструкцией на выдачу пациенту листка нетрудоспособности. Названный документ имеет двойственную природу: с одной стороны он является медицинским, определяющим режим лечения; с другой – его выдача является юридическим фактом, порождающим и изменяющим правоотношения.

Во-первых, с момента выдачи листка нетрудоспособности включается механизм государственного социального страхования (правоотношения социального обеспечения), у пациента появляется право на получение пособия по временной нетрудоспособности; во-вторых, определенные

изменения претерпевают и трудовые правоотношения: у работника появляется право быть освобожденным от выполнения производственных обязанностей, а наниматель обязан предоставить такое освобождение.

Названные юридические последствия имеют характер публично-правовых, независящих от соглашения сторон.

В п. 4 ранее действовавшего постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 4 июня 1993 г. № 4 (в ред. постановления Пленума Верховного Суда от 29 марта 2001 г. № 4) «О судебной практике по делам о злоупотреблении властью или служебными полномочиями, превышении власти или служебных полномочий, служебной халатности и должностном подлоге» высшая судебная инстанция ориентировала суды на узкую трактовку должностного лица по признаку совершения юридически значимых действий. В частности, должностным лицом рекомендовалось признавать преподавателя «за нарушение обязанностей, возложенных на него как на члена квалификационной или экзаменационной комиссии». Такой подход был бесспорным. Именно комиссионные экзамены в учебных заведениях связаны не только с оценкой знаний студентов (профессиональная деятельность), но и с коллегиальным принятием решений, влекущих юридически значимые последствия публично правового характера (зачисление в учебное заведение на приемных испытаниях, присвоение квалификации специалиста и выдача диплома на выпускных квалификационных экзаменах).

В заключении Конституционного Суда Республики Беларусь от 12 ноября 2001 г. № 3-129/2001 «О соответствии Конституции положения пункта 3 части четвертой статьи 4 Уголовного кодекса Республики Беларусь и основанной на нем практики применения понятия должностного лица по признаку совершения юридически значимых действий» в определенной мере учитывается замысел разработчиков проекта УК. Конституционный Суд выделяет те же критерии юридически значимых действий, однако при этом делаются уточнения, которые, по нашему мнению нарушают методологию уголовно-правовой оценки признаков юридически значимых действий, создают предпосылки для расширительной трактовки понятия должностного лица по признаку совершения юридически значимых действий.

Так, Конституционный Суд отмечает, «что юридически значимыми признаются такие действия, в результате совершения которых наступают *или могут наступить* (выделено нами – А.Б.) правовые последствия в виде возникновения, изменения или прекращения правоотношений».

Конституционный Суд различает два случая. При первом юридически значимые действия «являются прямым и непосредственным основанием наступления юридически значимых последствий, то есть возникновения, изменения или прекращения правоотношений». Применительно, например, к студентам – предоставление права на получение учебной стипендии

В других случаях, отмечает Конституционный Суд «такие действия являются одним из необходимых (обязательных) элементов основания наступления указанных последствий, то есть влияют на возникновение,

изменение или прекращение правоотношений **в совокупности с другими обстоятельствами** (выделено нами – А.Б.) как часть единого целого (студент подлежит отчислению из вуза при наличии академической задолженности либо при несдаче во время сессии экзаменов по трем и более дисциплинам). От выставленных на экзаменах или зачетах оценок знаний студентов или учащихся зависит решение вопросов о дальнейшем обучении их в соответствующем учебном заведении, о предоставлении им права на получение учебной стипендии, диплома с отличием, который является основанием для увеличения заработной платы выпускникам некоторых вузов при поступлении на работу, о сокращении платы за обучение в негосударственных учебных заведениях и др.».

Включение в характеристику юридически значимых действий указания на то, что от их совершения **в совокупности с другими обстоятельствами могут наступить правовые последствия**, размывает четкость уголовно-правовой оценки. Такие критерии в уголовном праве нежелательны по двум причинам.

Во-первых, юридически значимыми неосновательно могут признаваться действия весьма отдаленные от будущих правовых последствий. Приведем утрированный для наглядности пример. Школьный учитель ставит своему любимчику ученику 6 класса завышенную итоговую оценку по предмету, изучение которого завершено. Спустя несколько лет в выпускном классе **в совокупности с другими** высокими положительными оценками данная завышенная оценка *может* лечь в основу награждения ученика золотой медалью. Следовательно, итоговая оценка в 6 классе юридически значима. Но поскольку годовую оценку определяют оценки за учебную четверть, а оценки за четверть выставляются с учетом текущих оценок, то очевидно, что каждая текущая оценка становится юридически значимой и учитель всякий раз выступает как должностное лицо. Отсюда может последовать ложный вывод – всякий учитель, выставляя оценки, выступает в качестве должностного лица. При подобном подходе в круг должностных лиц, выделяемых по признаку совершения юридически значимых действий, неосновательно попадут не только преподаватели, но и работники самых разных специальностей.

Во-вторых, при совершении преступления против интересов службы виновный всегда осознает свой статус – статус должностного лица. В нашем примере виновный, как правило, не осознает, что совершаемое им сейчас действие будет в отдаленном будущем в сочетании с другими обстоятельствами иметь своим результатом возникновение, изменение или прекращение тех или иных правоотношений. Если лицо не способно осознавать юридическую значимость своих действий во время их совершения, то оно и не осознает свой статус должностного лица, что исключает упрек в совершении посягательства на интересы службы.

В уголовном праве критерии правовой оценки должны быть четкими и однозначными. Нельзя строить обвинение на прогнозируемых в будущем, предполагаемых, вероятных, зависящих от привходящих обстоятельств,

свойствах совершенного деяния. Такой подход может поставить под сомнение принцип субъективного вменения.

По нашему мнению, *юридически значимыми действиями, придающими лицу статус должностного, являются действия непосредственно порождающие, изменяющие или прекращающие правоотношения публично-правового характера.*

Словосочетание «могли наступить юридически значимые последствия: возникновение, изменение или прекращение правоотношений» уместно лишь в тех случаях, когда непосредственному наступлению таких правовых последствий помешали обстоятельства, независимые от воли виновного.

Следует обратить внимание на некоторые различия в трактовке юридически значимых действий, в постановлениях Пленума Верховного Суда Республики Беларусь.

В п. 2 постановления от 26 июня 2003 г. № 6 (в ред. от 25 сентября 2003 г.) «О судебной практике по делам о взяточничестве» сказано: «К юридически значимым действиям следует относить принятие решений, входящих в компетенцию лица, в результате которых наступают или могут наступить юридически значимые последствия: возникновение, изменение или прекращение правоотношений, **а также получение взяткодателем или представляемыми им лицами выгоды имущественного или иного характера (выделено нами – А.Б.)**».

В п. 8 постановления от 16 декабря 2004 г. № 12 «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст.ст. 424 – 428 УК)» сказано: «такие действия, в результате которых наступают или могут наступить юридически значимые последствия в виде возникновения, изменения или прекращения правоотношений, **субъектами которых являются иные лица (выделено нами – А.Б.)**».

Очевидно, что в первом определении слова «а также получение взяткодателем или представляемыми им лицами выгоды имущественного или иного характера» являются излишними, не несущими значения существенного признака юридически значимых действий. Во втором определении публично-правовой характер юридических последствий отражен словами «в виде возникновения, изменения или прекращения правоотношений, субъектами которых являются иные лица». Действительно, в определенной мере, это так, поскольку в правоотношения, прежде всего, включаются государство (в лице определенных органов и учреждений), юридические и физические лица.

Видно также, что оба определения находятся под влиянием трактовки Конституционного Суда Республики Беларусь, согласно которой юридически значимые последствия наступают «или могут наступить».

При решении вопрос о признании лица должностным, недопустим механический подход, основанный на внешне схожем прецеденте. Например, на категоричном выводе Конституционного Суда Республики: «преподаватели высших или средних специальных учебных заведений, уполномоченные в установленном порядке на принятие у обучаемых

экзаменов или зачетов, являются субъектами юридически значимых действий и в связи с осуществлением указанных полномочий подпадают под признаки должностного лица, предусмотренные в пункте 3 части четвертой статьи 4 УК». Нужно, например, учитывать, что современная система образования, предусматривает разнообразие видов контроля знаний студентов (тестирование, промежуточные зачеты, написание рефератов и т.п.), но далеко не все из них влекут какие-либо правовые последствия, поскольку основаны исключительно на моральной ответственности обучаемого перед преподавателем, руководством учебного заведения и своими товарищами.

Список литературы

1. Коржинский Н. Понятие должностного лица // Советская юстиция. 1970. № 21. С. 10; Здравомыслов Б.В. Должностные преступления. Понятие и квалификация. – М.: «Юридическая литература», 1975. С. 33-34.
2. Светлов А.Я. Ответственность за должностные преступления. – Киев: «Наукова думка», 1978. С. 105.
3. Судовы веснік. 1998. № 4. С.6-9; 2001. № 2. С. 21.
4. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924-1973. М., 1974. С. 519.
5. Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. 1993. № 22. Ст. 278.
6. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2003. № 61. 2/948.
7. Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. 1993. № 32. Ст. 416.
8. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2003. № 70. 2/953.
9. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2005. № 3. 6/424.
10. Хомич В.М. Взятничество через призму уголовного закона и судебной практики // Судовы веснік. 2003. №2. С.51-55.
11. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2001. № 108. 6/305.
12. Лейкина Н.С. Субъект должностных преступлений в практике Верховного Суда СССР // Вопросы уголовного права и процесса. – Л., 1956. С. 102.
13. Здравомыслов Б.В. Должностные преступления. – М., 1956. С. 19-20; Курс советского уголовного права. Особенная часть. Том II. М., 1959. С. 103.
14. Волженкин Б.В. Служебные преступления. – СПб., 2002. С. 118.
15. Наумов А.В. Практика применения Уголовного кодекса Российской Федерации: коммент. судеб. практики и доктрин. толкование. – М., 2005. С. 752.
16. Комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь (изменения и дополнения 1993-94 гг.) / Под ред. А.И.Лукашова. – Мн., 1994. С. 189.
17. Барков А., Грунтов И., Хомич В. Комментарий к Уголовному кодексу: плюсы и минусы // Судовы веснік. 1995. № 3. С. 39 - 41.
18. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2002. № 94. 8/8369.
19. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2001. № 108. 6/305.
20. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2003. № 77. 6/370.
21. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2005. № 3. 6/424.
22. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2001. № 108. 6/305.

Барков, А.В. Понятие должностного лица и судебная практика по уголовным делам / А.В.Барков // Судебная практика в контексте принципов законности и права : сб. науч. тр. / редкол.: В.М. Хомич (гл. ред) [и др.]. - Минск : Тесей. 2006.-С.90-103.